

В. Ф. Горленко

**ОБ ЭТНОНИМЕ ЧЕРКАСЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
НАУКЕ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

Проблема этногенеза украинцев, проблема «...отыскания тех элементов, из которых составила данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых складывался и развивался народ»¹, при всей ее сложности и запутанности реакционной зарубежной, а также украинской буржуазно-националистической историографией², в целом решена советской наукой. Труды Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, В. В. Мавродина, М. Н. Тихомирова, С. А. Токарева, А. Н. Насонова и др. неопровержимо доказано, что украинцы, как и близкородственные им русские и белорусы, сформировались на базе древнерусской народности, которая в свою очередь сложилась на основе родственных восточнославянских племен. В работах К. Г. Гуслистого определены основные этапы развития украинской народности и формирования украинской нации³. Советские исследователи справедливо рассматривают этническую историю украинского народа в неразрывной связи с этнической историей братских русского и белорусского народов⁴.

Однако некоторые аспекты этнической истории украинцев недостаточно изучены. Так, нуждается в исследовании вопрос об участии в их этногенезе неславянских этнических компонентов, в частности северокавказского («черкесского»). До сих пор нет единого мнения о том, когда и кем основан город Черкассы⁵, неясны этимология его названия и этнонима черкасы, употреблявшегося в России по отношению к украинцам Поднепровья в течение примерно двух (XVI—XVII) столетий. В литературе неоднократно обращалось внимание на ряд культурно-бытовых параллелей между украинцами и северокавказскими народами, в особенности адыгейцами и кабардинцами⁶, известными ранее в России и на Украине под собирательным названием *черкесы*. Вряд ли можно сомневаться в том, что жившие в далеком прошлом на территории Украины и России племена, в том числе восточнославянские, будучи близкими соседями предков черкесов, находились с ними в разнообразных и тесных связях⁷. Но только ли контактами того периода объясняются культурно-бытовые параллели? В связи с вновь пробудившимся в последние годы интересом к этим вопросам заслуживают внимания суждения и гипотезы, выдвигавшиеся в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX в. — времени, когда при исследовании конкретных

¹ Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза. — Сов. этнография, 1949, № 3, с. 15.

² Рубач М. Реакційна суть націоналістичних «теорій» безкласовості та «єдиного потоку». Київ, 1955; Гуслистый К. Г. Про буржуазно-націоналістичні перекручення у дослідженнях етногенезу українського народу. — Народна творчість та етнографія, 1971, № 1; Римаренко Ю. І. Буржуазний націоналізм та його «теорія» нації. Київ: Наук. думка, 1974.

³ Гуслистый К. Утворення української народності. — Народна творчість та етнографія, 1960, № 1; *его же*. Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа. Киев: Изд-во АН УССР, 1963; *его же*. До питання про утворення української нації. Київ: Знання, 1967.

⁴ Рабинович М. Г., Чистов К. В. Важнейшие особенности этнической истории восточных славян. — В кн.: Этническая история славян и этнокультурные связи народов Центральной и Восточной Европы (Тезисы докладов Межреспубликанской научной конференции). Чернигов, 1979, с. 107—114.

⁵ Украинский языковед А. С. Стрижак приводит данные, согласно которым в 1305 г. Черкассы был уже известен (Стрижак О. С. Звідки назва міста. — Українська мова і література в школі, 1968, № 2, с. 82). В «Радянській енциклопедії історії України» (Київ, 1972, т. IV, с. 465) сказано, что первое документальное свидетельство о г. Черкассы относится к 1394 г. В других работах названы XI и XIII вв.

⁶ См., например: Лавров Л. І. До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки. — Народна творчість та етнографія, 1961, № 3.

⁷ Народы Кавказа. Т. 1 (серия Народы мира. Этнографические очерки). М.: Изд-во АН СССР, 1960.

проблем начинают привлекаться данные языкознания, этнонимии, этнографии, когда впервые вырабатывается научный подход к решению этногенетических проблем.

В работах Аф. Шафонского, Н. Загоровского, Ал. Ригельмана, М. Антоновского, Я. Марковича, относящихся к концу XVIII в., дана этнографическая характеристика украинцев, выявлена в известной мере их культурно-бытовая специфика⁸, показано сходство культуры и быта украинцев и других народов, в первую очередь родственных им русского и белорусского.

Хотя ученые конца XVIII — первой половины XIX в., принадлежащие к дворянско-помещичьему кругу, не признавали украинцев как самостоятельный народ и поэтому не рассматривали специально вопрос об их этногенезе, они вынуждены были обращаться к отдельным аспектам этой проблемы главным образом в связи с волновавшими тогда общественность судьбами Запорожья и его обитателей — запорожских казаков. В 1775 г. царское правительство, как известно, ликвидировало Запорожскую Сечь, что способствовало оживлению научного интереса к историческому прошлому запорожского казачества.

Одним из первых затронул вопрос об украинско-северокавказских связях, а также попытался объяснить применяемый к украинцам этноним черкасы историк И. Н. Болтин⁹. В своей известной двухтомной работе, посвященной труду Леклерка, он писал: «В 1282 году баскак (губернатор.— В. Г.) татарский Курского княжения, призвав черкес из Бештау или Пятигория, населил ими слободы под именем козаков. Разбои и грабежи, причиняемые ими, произвели многие жалобы на них; для коих, наконец, Олег князь Курский, по дозволению ханскому, разорил их жилища, многих из них побил, а прочие разбежались. Они, совокупясь с русскими беглецами, долгое время чинили всюду по дорогам разбои, укрываясь от поисков над ними по лесам и оврагам. Много труда стоило всех их оттуда выгнать и искоренить. Многолюдная их шайка, не обретая себе безопасности там, ушла в Канев к баскаку, который и назначил им место к пребыванию ниже по Днепру. Тут они построили себе городок, или приличнее острожок, и называли Черкасск, по причине, что большая часть их были породю черкасы, как о поселении их в Курске показано»¹⁰. С годами пришлый северокавказский элемент, как следует из дальнейшего рассказа Болтина, растворился в местном населении. «Многие из тамошних жителей, будучи угнетаемы жестоким насилием поляков и литовцев, оставляя прежние жилища, переходить стали к козакам черкасским... Первые козаки, переселенцы из Курска, давно уже перевелись, как сказано выше, а место их заступили малороссияне; однакож первобытное название черкас при себе удержали, и на всех живущих под их зависимостию распространили. Равным образом и имя козаков стало быть наследственным и общим всем живущим в окрестности Черкасса, ставшего столицею казачьих селений. Первое имя приличествовало им по роду первых их заводчиков и по имени главного их города, а последнее по образу их жизни и вооружения...»¹¹. Отметим, что, по свидетельству Болтина, г. Черкассы основан в конце XIII в.

Аналогичную гипотезу о происхождении названия черкасы развивали и другие авторы XVIII в.— Ал. Ригельман, Аф. Шафонский, М. И. Антоновский, но время переселения указывали иное.

Аф. Шафонский также считал, что некоторые из «горских черкесов» «перешли в четырнадцатом столетии из Кавказских гор в Курск, а после на Днепр и построили город, по имени своему, Черкасы.... Нынешние гор-

⁸ См. об этом: Горленко В. Ф. Нариси з історії української етнографії та російсько-українських етнографічних зв'язків. Київ: Наук. думка, 1964.

⁹ См. о нем: Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955, т. 1, с. 210—214.

¹⁰ Примечания на историю древняя и нынешняя Россия г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. СПб., 1788, т. 1 (раздел «О начале запорожцев»), с. 344.

¹¹ Там же, с. 346—347.

Рис. 1. Одежда украинцев Черкасского и Чигиринского уездов Киевской губернии (из альбома Деляфлиза Д. П., 1851)

ские черкесы... по наружному виду лица, одеянию и по всем ухваткам, по сей день весьма на малороссиян, в низовых местах Днепра живущих, и особливо на бывших запорожских казаков похожи, которые, и вообще все малороссияне, изстари от великороссиян черкасами называются»¹².

Версии о переселении в Поднепровье какой-то группы черкесов и об основании ими г. Черкассы придерживался и Ал. Ригельман. Рассуждая о правомерности применения к запорожцам названия «козаки», он писал: «...а если б вести им (запорожцам.— В. Г.) имя особое, то следовало б называться черкасами, по пришедшим потом в Украину из Черкасской Кабарды черкасам, которые смешавшись с украинцами вообще, проименовались тем именем, коим и донныне еще именуются. Притом доказывает и то, что сходство лица, одежды и несколько жительство, обычай и во многом обряды, равные с черкасами имеют». Далее Ригельман специально останавливается на «поселившемся в России черкесском народе»: «...в 14 столетии, когда черкесы в здешние места из Кабарды пришли в княжестве Курском, под властью татар, собравши множество сброда, слободы населили и воровством промышляли, но для многих на них жалоб татарским баскаком на Днепр переведены и город Черкасы они построили, который донныне на том же месте и тем же званием именуется, состоящий на правой стороне реки оной, ниже города Канева, почему все казачество и вся Малороссия потом черкасами проименовалась, а не козарами»¹³. По мнению Шафонского и Ригельмана, город Черкассы основан не в конце XIII в., как считал Болтин, а в XIV в.

¹² Черниговского наместничества топографическое описание... Аф. Шафонского. Киев, 1851, с. 53 (далее — Шафонский А. Указ. раб.). «Описание» выполнено в 1786 г. и распространялось первоначально в рукописи. Первая его часть, посвященная Левобережной Украине того периода, открывается этнографической характеристикой украинцев.

¹³ Ригельман Ал. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще, отколы из какого народа оные происхождение свое имеют. М., 1847, ч. 1,

Рис. 2. Одежда запорожских казаков (см.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Спб., 1892, т. XII, рис. 1)

Из приведенных материалов видно, что и Шафонский, и Ригельман, говоря об украинско-северокавказских связях, опирались не только на исторические свидетельства о переселении части черкесов в Поднепровье; они подчеркивали и сходство антропологического типа, этнонимии, материальной и духовной культуры этих народов (их «одеяния», «ухваток», «лица» и т. д.). Причем выводы Ригельмана основывались, видимо, на непосредственных наблюдениях: будучи одним из строителей Кизлярской крепости, он неоднократно сталкивался с «черкесами». Шафонский отметил сходство древней монументальной архитектуры южных украинцев и черкесов, наличие у тех и других одинаковых элементов одежды — шапок и «черкески».

Сведения о переселении какой-то группы одного из северокавказских народов в Поднепровье есть и в сводной работе И. Георги по этнографии народов России (1799 г.), в четвертой ее части, написанной М. И. Антоновским¹⁴.

Приведенная у Болтина, Шафонского, Ригельмана и Антоновского версия о переселении черкесов в Поднепровье не подкреплялась какими-либо ссылками на исторические документы. Правда, Ал. Ригельман сослался на «Историю Российскую» Татищева, где действительно сообщается, что выходцы из «кабардинских черкес в 14-м сте (столетии.— В. Г.) в княжестве Курском, под властью татар собравши множество сброда, слободы населили и воровством промышляли, и для многих на них жалоб татарским губернатором на Днепр переведены, и град Черкасы построили. Потом, усмотря польское беспутное правление, всю Малую Русь в казаки превратили, гетмана или отамана избрав, все черкесы имяновались»¹⁵.

с. 8—10. В «Повествовании» четыре части; оно было написано в 80—90-х годах XVIII в. и первоначально распространялось в рукописи.

¹⁴ Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Спб., 1799, ч. 4, с. 236—237.

¹⁵ Татищев В. Н. История Российская. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962, т. I, с. 324—325 (примеч. к гл. 35).

Как видно из приведенных выдержек, Татищев, Ригельман и Шафонский переселение группы черкесов в Поднепровье датируют XIV в., Болтин же и Антоновский — XIII в., при этом последние называют даже год (1282) переселения и место, откуда пришли черкесы: из Бештау, или Пятигорья (в переводе с адыгейского и кабардинского языков Бештау означает Пятигорье). Можно думать, что Аф. Шафонский и Ал. Ригельман заимствовали указанную версию у Татищева; И. Болтин же воспользовался каким-то иным источником, уточнив сведения Татищева о времени переселения черкесов в Поднепровье. По-видимому, рассказ Болтина был повторен М. Антоновским. В сокращенном виде версия о переселении группы черкесов была воспроизведена и в «Словаре географическом Российского государства» (М., 1805, ч. IV, с. 32), и в ряде других публикаций.

Возникает вопрос: на каком или на каких источниках базировались Татищев и Болтин, сообщая о наличии на Курщине черкесских слобод, разорении их и изгнании черкес оттуда?

Рассказ об угнетении, непосильных поборах и насилиях, чинимых «бесерменами» в Курском и Липецком княжествах, и о разорении принадлежащих «бесерменам» слобод находим в Воскресенской летописи. «В лето 6791 (1284)...— говорится в ней,— сотворися зло во княжении Курския области: бяше нѣкто бесерменин злотыхтр и велми зол, именем Ахмат, той дрѣжаше баскачество Курского княженія, откупаше бо у татар дани всяка, и тѣми данми велику досаду творяше князем и всѣм людем в Курском княженіи; еще же к тому сътвори двѣ свободы во отчинѣ Олга князя Рыльского и Ворлогского... насиліе творяху хрисіаном, сущим Курскіа области, около Ворлога и около Курска пусто сътвориша. Князь же Олег иде в орду о том с жалобою ко царю Телебузѣ, по думѣ и по слову, со сродником своим Святославом князем Липовичским; царь же Телебуга, дав приставы князю Олгу, река: „что будет ваших людей в свободах тѣх, тѣ люди выведите во всю область, а свободы та разгонита“; якоже и бысть. И пришед князь Олег и Святослав и с татари, и повелѣша своим людем пограбити свободы тѣ и поковати люди ихъ, а свои во свою отчину выведоша...». Как следует далее из летописи, Ахмат был в то время в орде у ногайского «царя». Узнав о разграблении своих слобод, он оговорил перед последним князем Олега и Святослава. Для расправы над Олегом и Святославом ногайский хан направил татарское войско. Перекрыв дороги, татары схватили 13 бояр, Ахмат умертвил их, а княжества татары разграбили. Олег бежал при этом к «царю» Телебузе, а Святослав скрылся в воронежских лесах. Пробыв в Курском княжестве 20 дней, татары удалились. С ними, опасаясь мести, ушел и Ахмат, оставив «два брата своя бесерменина блюсти и крѣпiti свобод тѣх».

Святослав, возвратившийся в следующем году («в лѣто 6792»), выследил, когда Ахматовы братья в сопровождении охраны ехали из слободы в слободу, «...удари на них разбоем, и убиту руских 25 да два бесерменина, а тѣх два брата Ахматова утѣкоста к Курску; а наутреи разбѣгостася обѣ свободы бесерменские»¹⁶. Как видно из приведенного отрывка, в Курском княжестве где-то под Рыльском было две принадлежащих Ахмату слободы, населенные его соплеменниками и русскими, разбежавшимися в связи с конфликтом, возникшим между Ахматом и князьями Олегом и Святославом. События, описанные летописцем и авторами XVIII в., совпадают и по месту, и по действующим лицам (а у Болтина и Антоновского и по времени,— 1284 г.). Однако в данной летописи не говорится ни о том, откуда пришли сюда Ахмат и его соплеменники, ни об их переселении в Поднепровье. Авторы же XVIII в. называли черкесов выходцами из Пятигорья и Кабарды, а Поднепровье упоминали как место, где черкесам удалось найти пристанище. Следовательно, Татищев и Болтин располагали еще каким-то летописным или иным источником, неизвестным нам сейчас.

¹⁶ Полное собрание русских летописей. Спб., 1856, т. VII, с. 176—178.

Надо отметить, что во взглядах Татищева, Шафонского и других авторов XVIII в. по интересующему нас вопросу было довольно много противоречий. Наряду с черкесской версией почти все названные авторы приводили и другие гипотезы, причем более убедительные, согласно которым запорожское казачество было местным, украинским явлением.

Естественно, что эти вопросы продолжали усиленно дискутироваться в историко-этнографической литературе и последующего времени — первой половины XIX в. Интерес к ним обуславливался общественно-политическим движением в России и на Украине в этот период, усиливающимся процессом формирования украинцев в нацию, развитием отечественной истории и этнографии и другими факторами.

Н. М. Карамзин выдвинул совершенно иную гипотезу. Он считал версию о переселении части черкесов в Поднепровье «выдумкой» Болтина¹⁷. «...Вероятно, что оно (название „казаки“.— В. Г.) в России древнее Батыева нашествия,— писал Карамзин в 1818 г.,— и принадлежало торкам и берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище малороссийских казаков. Торки и берендеи назывались черкасами, казаки также. Вспомним касогов, обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Черным морем; вспомним и страну К а з а х и ю, полагаемую императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что осетинцы и ныне именуют черкесов к а с а х а м и: столько обстоятельств вместе заставляют думать, что торки и берендеи, называясь черкасами, назывались и к о з а к а м и; что некоторые из них, не хотев покориться ни монголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами; приманили к себе многих россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними, и под именем козаков составили один народ, который сделался совершенно русским (имеется в виду украинский.— В. Г.) тем легче, что предки их, с десятого века, обитав в области Киевской, уже сами были почти русскими...»¹⁸. Соображения Карамзина, как и других авторов, относительно процесса становления запорожского казачества и происхождения термина казак¹⁹ достойны специального рассмотрения, здесь же мы обратимся лишь к сведениям, касающимся происхождения названия черкасы.

Н. М. Карамзин, хорошо, как известно, знавший источники, в особенности летописи, отыскал то место в них, где сообщалось о поселении черкесов в Курском княжестве и о последующем разорении их слобод. Но он тоже не нашел никаких свидетельств о переселении беглецов-черкесов в Поднепровье²⁰. Вообще Карамзин воздерживался от категоричных высказываний, считая, по-видимому, что в этом вопросе еще многое неясно. Он, например, заметил вскользь, что «осетинцы и ныне именуют черкесов „касахами“», но никак не истолковал этот факт, явно свидетельствующий в пользу версии о переселении группы черкесов в Поднепровье. В целом же Карамзин склонен был связывать этноним черкасы с торками и берендеями, которые якобы также назывались черкасами и будто бы город Черкассы был «назван их именем».

Другой историк первой половины XIX в., Д. Н. Бантыш-Каменский, придерживался версии о северокавказском происхождении названия черкасы. По его мнению, начало запорожцам положили переселенцы с Северного Кавказа, с которыми и связано название черкасы. В делах коллежского архива, указывал Бантыш-Каменский, «запорожцы и доныне фигурируют под именем „черкас“». При этом он, как и авторы XVIII в., подчеркивал сходство запорожцев с северокавказскими наро-

¹⁷ Нельзя в связи с этим не заметить, что высказанное С. К. Килессо утверждение (Килессо С. К. Черкаси. Київ: Наук. думка, 1966, с. 8), будто Карамзин «повторил» мнение Болтина, не соответствует действительности.

¹⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Спб., 1892, т. V, с. 243—244.

¹⁹ Этому вопросу посвящена значительная литература. Из новейших работ см.: Благова Г. Ф. Исторические взаимоотношения слов казак и казах.— В кн.: Этнонимы. М.: Наука, 1970, с. 143—159.

²⁰ Карамзин Н. М. Указ. раб., Спб., 1892, т. IV, с. 135, примеч. 167.

дами в нравах и склонностях: «Одно название, одинакий нрав, одинакая склонность к набегам подтверждают сию догадку»²¹. Бантыш-Каменский считал также, что в связи с малочисленностью пришельцы очень быстро были ассимилированы и растворились в местном украинском населении, передав, однако, ему свое название «черкасы». В отличие от своих предшественников он ошибочно (сейчас мы это знаем) полагал, что город Черкассы основан не в XIII или XIV, а в начале XVI в.

Большое внимание этногенезу украинцев и происхождению названия черкасы уделил Н. А. Полевой (писатель и историк, один из первых буржуазных идеологов России 20—30-х годов XIX в.). В рецензии на труд Бантыш-Каменского, опубликованной в 1830 г., Полевой решительно возражал против версии черкесского происхождения казачества, хотя признавал наличие поселений выходцев с Северного Кавказа в Курском княжестве, даже уточнял расположение этих поселений («близ Рыльска») и называл их «Ахматовыми слободами». Вопрос об изгнании оттуда черкесов и переселении их в Поднепровье он обходил. Поселенцев черкесов на Куршине Полевой рассматривал как военных наемников, что было, по его мнению, очень распространенным явлением в XIV—XVI вв. Как и Бантыш-Каменский, Полевой ошибочно утверждал, что г. Черкассы появился только в XVI в. По мнению Полевого, название этого города не имело никакого отношения к северокавказским черкас-сам.

Полевой оспаривал и мнение Карамзина, будто термин казаки и название украинцев Среднего Поднепровья черкасы связаны с торками и берендеями. «Правда, что казаки, донские и украинские, назывались и черкасами, но торки и берендеи черкасами, следовательно, и казаками не назывались»²². То место в Воскресенском списке летописи, где черные клобуки фигурировали под названием черкасы, Полевой считал поздней вставкой, которой нет в других списках²³, хотя и не приводил никаких доказательств. Он предложил свою этимологию этнонима черкасы.

«Малороссиян называют и черкасами,— писал он,— бесспорно, что это слово турецкого происхождения, составлено из tcher (путь, дорога) и kerktek (перерезать, отрезать), и днепровские, и донские казаки могли принять его без всякого родства с Кавказом и с горскими адыгами, которых соседи называют также черкесами и казаками»²⁴. Это утверждение Полевого нельзя считать убедительным, ибо термин черкасы был распространен не в Турции, а в России²⁵.

И все-таки Н. Полевой в другой своей работе, изданной в том же 1830 г., капитулировал перед Карамзиным, признав, что «харакалпак-ков»-черных клобуков называли и черкасами и, что со времен Древней Руси «вероятно... можно положить начало сборных племен, впоследствии образовавших собою на Днепре казаков»²⁶. Основание г. Черкассы здесь он относит к «последним 20-ти годам XV века», а не к началу XVI в., как в рецензии на книгу Бантыш-Каменского.

Украинский историк и этнограф XIX в. М. А. Максимович, не принимая непосредственного участия в дискуссии, высказал некоторые соображения относительно украинско-северокавказских связей. Он отстаивал вывод о местном, украинском происхождении запорожского казачества, но вместе с тем признавал сходство антропологического облика

²¹ Бантыш-Каменский Д. История Малой России. М., 1830, ч. 1, с. 109 (1-е изд.: М., 1822).

²² Полевой Н. Рец. на кн. «История Малой России», ч. 1—3 (сочинение Д. Н. Бантыш-Каменского).— Московский телеграф, 1830, № 18, с. 227—229.

²³ Такого же мнения придерживается и А. С. Стрижак. См.: Стрижак О. С. Указ. раб., с. 82.

²⁴ Полевой Н. Рец. на кн. «История Малой России...», с. 229.

²⁵ По свидетельству исследователя запорожского казачества А. А. Скальковского, *«турки называли запорожцев «буткалы» или «поткалы», что означало «смесь» народа. См.: Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Одесса, 1846, ч. 1, с. 24.*

²⁶ Полевой Н. История русского народа. М., 1830, т. II, с. 370.

южных украинцев и кавказских (черкесских) жителей. «Личное посещение Кавказа в 1832 году,— писал он,— еще более меня уверило в прежних моих мыслях»²⁷.

Основание г. Черкассы Максимович датировал началом XIV в. (а не XVI-м, как Полевой), возникновение же этнонима черкасы связывал с названием города. «Черкасы,— утверждал он,— до гетманства Богдана были главным городом казацкой Украины, по которому и казаки и самая Украина звались у москвитян „черкасами“»²⁸. И далее: «Черкасы становятся известны со времен Гедимины в числе городов, присоединенных им (около 1320 года)»²⁹.

Другой украинский историк и этнограф, Н. А. Маркевич, базируясь на лингвистических и этнографических материалах, а также на сведениях письменных источников, в том числе летописей, проанализировал все высказанные гипотезы и пришел к выводу о неправомочности связи этнонима черкасы с черкесами. Изучая то место летописи, где речь идет о двух так называемых «Ахматовых слободах» под Курском и о конфликте между курским князем Олегом и Ахматом в 1282 г., Маркевич не нашел там сведений о разорении этих слобод и о переселении их обитателей в Поднепровье. По его мнению, ближе всех к истине был Карамзин, связывавший название черкасы с торками и берендеями³⁰.

Взгляды самого Н. Маркевича сводились к следующему. Этноним черкес (вариант — черкас) заимствован из тюркских (у автора — «восточнотурецких») языков, где он, наряду с термином козак, употреблялся для обозначения вольницы. К украинцам термины эти перешли от торков и берендеев. Город Черкассы основан был торками и стал главным городом украинцев, «местопребыванием главного их начальства». Это и послужило причиной того, что великороссы в «переписках своих прозвали» украинцев черкасами³¹. И тем не менее Н. Маркевич не приводит убедительных аргументов, полностью отвергающих версию о переселении черкесов в Поднепровье. Н. Маркевич, как и его предшественники, указывал на сходство головных уборов украинцев и северокавказских народов (кстати, на Левобережной Украине в конце XVIII в. были и аналогичная кабардинской «черкеска» с откидными рукавами, и «черкесское седло») ³². Считая, что такие шапки появились первоначально у запорожцев под влиянием торков, Н. Маркевич основывался не более как на предположении. Сам он отыскал на Курщине ряд сел, названия которых связаны с этнонимом черкасы: «Черкаское», «Черкасские Тишки», «Черкасская Лозовая», «Поречье Черкаское»³³. Конечно, села эти могли возникнуть и позже — в XVI—XVII вв., когда украинцев называли уже черкасами, однако вопрос о времени появления сел Н. Маркевич не выяснял.

Определенные погрешности допустил он и при анализе приводимых отрывков из летописи. Так, хотя в ней и не говорится о разорении слобод, населенных черкесами, но из контекста видно, что после нападения Святослава на братьев Ахмата население «бесерменских» слобод разбежалось³⁴ и, следовательно, должно было искать где-то пристанища.

²⁷ Максимович М. Откуда идет русская земля, по сказанию Нестеровой повести...— Собр. соч., Киев, 1876, т. 1, с. 35 (примеч.).

²⁸ Максимович М. Обзорение городовых полков и сотен, бывших на Украине со времени Богдана Хмельницкого.— Там же, с. 677.

²⁹ Там же, с. 678.

³⁰ О козаках. Сочинение Н. Маркевича.— В кн.: Чтения Московского общества истории и древностей российских. М., 1859, с. 35 (в 1846 г. Н. Полевой умер, и Маркевич счел, видимо, неудобным выступать вскоре после его смерти с критикой его трудов).

³¹ Там же.

³² Багалея Д. І. Історія Слобідської України. Харків, 1918, с. 213; Шафонский А. Ф. Указ. раб., с. 31; Квитка-Основьяненко. Украинцы.— Современник, 1841, т. 21, № 1, с. 79; Скальковский А. Указ. раб., с. 325—326.

³³ Названия сел, связанные с этнонимом черкас, есть и в Киевской области. См., например: Історія міст і сіл УРСР. Київська область. Київ, 1971, с. 141, 145, 749 и др.

³⁴ Полное собрание русских летописей, т. VII, с. 177.

Вопрос о названии украинцев Поднепровья черкасами затрагивался и позже³⁵. Однако, несмотря на то, что в послевоенное время появились капитальные исследования по истории Украины³⁶, в том числе специальные работы о запорожском казачестве³⁷, употреблявшийся по отношению к украинцам Поднепровья этноним черкасы остался необъясненным.

Как видно из изложенного, суждения исследователей конца XVIII — первой половины XIX в. о происхождении этнонима черкасы были противоречивы. Это объясняется уровнем развития науки того времени, неразработанностью прежде всего самой теории этногенеза. Исследователи не учитывали разнородности этнических компонентов, составивших этносы, не умели расчленивать близкие, но зачастую различные аспекты этой проблемы: происхождение народа и его названия (последних может быть не одно, а несколько, и истоки их могут быть самые различные)³⁸.

Известно, что украинцы, в особенности южная группа их — население бывшей Переяславской земли, впитали в себя значительные как инославянские, так и неславянские, преимущественно тюркские и иранские, а также, по-видимому, и кавказские компоненты. Если посмотреть на черкесов как на одно из этнических вкраплений, на один из компонентов в составе украинской народности, то версия о переселении какой-то группы черкесов в Поднепровье приобретает научную значимость.

Историки прошлого имели определенные преимущества по сравнению с современными исследователями — они были ближе к описываемым событиям и могли пользоваться, как это, видимо, было с Болтиным, источниками, неизвестными сейчас. Думается, что его сообщение о переселении какой-то группы черкес в Поднепровье — не выдумка.

Широкое употребление в XVI—XVII вв. названия черкасы по отношению к украинцам Поднепровья — исторический факт. Черкасами называл население Поднепровья Герберштейн, проезжавший через Украину во время своих путешествий в Россию в 1516—1518 и 1526—1527 гг.; правда, он оговаривался, что это «черкасы русские», т. е. украинцы³⁹. Черкасами официально именовались украинцы указанной территории в актах Русского государства, начиная с XVI и вплоть до первой половины XVIII в.⁴⁰ При этом в России существовало представление и об определенной, только для них характерной культуре и обычаях — «старочеркасская обыкность»⁴¹. Дабы не смешивать их с черкесами Кавказа, к названию прибавлялось часто слово «запорожские» («черкасы запорожские»). Следует при этом указать, что черкасами называли не всех украинцев, как это склонны считать некоторые исследователи. Этноним черкасы никогда не применялся, например, к украинцам Западной Украины, Волыни. Употребление его зафиксировано главным образом в двух значениях и формах: первоначальном, узком, относившемся к населению сравнительно ограниченной территории, преимущественно Запорожья⁴² (черкасы запорожские) и более позднем, широком, относившемся ко всему населению Среднего Поднепровья и Левобережной Украины (черкасы).

³⁵ См., например: *Лещенко А. Ф.* К вопросу о происхождении украинского казачества. — В кн.: *Сборник статей по экономике и культуре*. Краснодар, 1927, в. 1, с. 78—92.

³⁶ *Історія Української РСР*. Київ: Наук. думка, 1967, т. I—II.

³⁷ *Гуслистий К., Апанович О.* Запорізька Січ та її прогресивна роль в історії українського народу. Київ, 1954; *Крип'якевич І. П.* Богдан Хмельницький. Київ, 1954; *Голобуцький В. О.* Запорізька Січ в останні часи свого існування (1734—1775 рр.). Київ, 1961.

³⁸ См.: *Никонов В. А.* Этнонимия. — В кн.: *Этнонимы*. М.: Наука, 1970.

³⁹ *Записки о Московии барона Герберштейна*. С латинского базельского издания 1556 г. перевел А. Анонимов. Спб., 1886, с. 153; *Записки о московских делах*. Спб., 1908, с. 159.

⁴⁰ См.: *Акты Московского государства*. Спб., 1890, т. I; 1896, т. II; 1901, т. III.

⁴¹ *Багалей Д. І.* Указ. раб., с. 159.

⁴² В документе, датированном 1546 г., название черкасы не распространялось еще даже на жителей Киева. См.: *Історія Української РСР*, т. I, с. 150; см. также *Акты Московского государства*, т. I, с. 345—346, 350, 621 и др.

Какие конкретные связи скрываются за очень близкими по звучанию этнонимами *черкесы* (в прошлом название ряда северокавказских народов) и *черкасы* (название украинцев Поднепровья). Нам представляется, что звуковое совпадение этих терминов не случайное.

Этноним, как известно, для историка и этнографа — бесценный источник⁴³, отражающий обычно конкретные этногенетические процессы и этнокультурные взаимосвязи народа, нередко — конкретные исторические события.

В возникновении этнонимов, как и топонимов, существует определенная закономерность. Она «...отражает тот факт, что этнонимы возникали не сами по себе, изолированно, а выражали определенные связи между коллективами, т. е. связи межэтнические»⁴⁴. И правы, надо полагать, те авторы, которые считали, что население Поднепровья восприняло название от какой-то группы переселенцев — черкесов, т. е. предков современных адыгейцев и кабардинцев, хотя переселенцы ввиду своей малочисленности быстро растворились среди местного аборигенного украинского населения. Есть интереснейшие документы, также сообщающие о поселении выходцев с Северного Кавказа в Поднепровье, — так называемые «люстрации» (переписи, ревизии) украинских городов. В «люстрациях» Каневского и Черкасского замков, датированных 1552 г., приводится предание, записанное в г. Черкасы. По этому преданию, «черкасы» появились в Поднепровье в начале XIV в. Это была часть «пятигорских черкас», приведенных Гедимином вместе с их «княгиней» и поселенных в г. Черкасы и по р. Слепороду (приток р. Сулы) после похода Гедимины на юго-восток, в результате которого он захватил «Кафу и весь Перекоп, и Черкасы Пятигорские»⁴⁵. Думается, что речь идет еще об одной группе переселенцев-черкесов, осевших в Поднепровье. Вряд ли следует сомневаться в правдивости предания, как это делает А. С. Стрижак, основываясь на летописном свидетельстве о том, что ко времени похода Гедимины (1305 г.) г. Черкасы уже был известен⁴⁶. Во всяком случае, свидетельства разных по времени и происхождению письменных источников в пользу одного и того же факта — наличия поселенцев-черкесов в Поднепровье в XIII—XIV вв. — не оставляет сомнения в его достоверности. Не исключено, что «приведенные» в 1305 г. Гедимином пятигорские черкесы были подселены к своим соплеменникам в Поднепровье. Кстати, правдивость предания подтверждается и топонимикой. В частности, на р. Слепороде, где, как следует из люстрации, поселена была часть «выведенных» Гедимином «пятигорских черкас», существует с. Пятигорцы⁴⁷.

Люстрации 1552 г. содержат еще одно свидетельство, не замеченное исследователями, о наличии в это время в Черкассах северокавказского этнического компонента — реестр жителей Черкасского и Каневского замков. В списках, особенно по г. Черкасы, значится немало явно не славянских, в том числе кавказских имен и фамилий: Лазука, Горянин Тиньснич, Тока Копытков, Ломан, Семен Скуматов, Гусейм (по-видимому, Хусейн), Нелистон Старый, Степанец Пятигорчин, Жчалаш, Мишко Теребердеевич и др.⁴⁸ О связях северокавказских народов с населением Поднепровья свидетельствует и наличие ряда культурно-бытовых параллелей. В дополнение к приведенным сведениям Аф. Шафонского и Ал. Ригельмана о сходстве костюма, монументальной архитектуры, нравов можно указать на широкое распространение у украинцев, как и у

⁴³ Никонов В. А. Указ. раб.; Чеснов Я. В. Название народа: откуда оно? — Сов. этнография, 1973, № 6, с. 135—146; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973.

⁴⁴ Чеснов Я. В. Указ. раб. — В кн.: Этнографы рассказывают. М.: Наука, 1978, с. 19.

⁴⁵ Архив Юго-Западной России. Киев, 1886, т. I, ч. VII, с. 103.

⁴⁶ Стрижак О. С. Указ. раб., с. 82.

⁴⁷ См.: Історія міст і сіл УРСР. Полтавська область. Київ, 1967, с. 604. Села с аналогичным названием имеются также на правом берегу Днестра в Киевской области — Пятигоры (То же. Київська область. Київ, 1971, с. 676) и в Балаклаевском районе Харьковской области — Пятигорское (То же. Харківська область. Київ, 1967, с. 197).

⁴⁸ Архив Юго-Западной России, т. I, ч. VII, с. 81—87, 104—105.

жителей Кавказа, обычаев побратимства, бытование в прошлом у тех и других близкого по конструкции тяжелого деревянного плуга, сходных типов турлучного жилища с навесом на столбах, традиции отапливать жилище кизяком⁴⁹, наличие у запорожцев «черкесского» седла и мн. другое⁵⁰.

В Среднем Поднепровье и на Левобережье Украины, т. е. на предполагаемой территории обитания переселенцев-черкес, заметны следы присутствия кавказского этнического компонента в топонимике, гидронимике, языке, на что также неоднократно обращалось внимание в литературе.

Известное на Левобережье слово «чукать» (детей), т. е., играя с ними, ритмично качать их по вертикали наподобие движения всадника при верховой езде в седле, имеет общий корень с адыгским словом *цыкыу*⁵¹.

Если, однако, некоторые «кавказские» следы в Поднепровье могут быть объяснены, как считает В. П. Кобычев, наличием более древнего «адыго-кавказского субстратного пласта в языке, топонимии и культуре населения... Днепровско-Днестровского и Нижнедунайского бассейнов»⁵², что весьма гипотетично, то топоним Пятигорцы (село в долине р. Слепорода), как и микропоним Казбет (давнее название одного из предместий г. Черкассы)⁵³ связаны, несомненно, с присутствием на этой территории более поздних выходцев с Кавказа.

Дальнейшие этнографические исследования несомненно выявят новые культурно-бытовые параллели между украинским и северокавказскими народами.

«Каждое название,— отмечает В. А. Никонов,— одновременно и отличает называемый объект от других, и объединяет его с однородными»⁵⁴. Это относится и к этнонимам. Название черкасы, носившее этнически-региональный характер и имевшее конкретное социальное наполнение, распространилось в России в период складывания централизованного государства, когда русские соприкоснулись на юго-западных рубежах с близким им, но вместе с тем уже иным и в политическом, и в социально-экономическом, и в этническом отношении миром. И эту особенность нужно было отразить в названии. Термин Украина в то время не годился хотя бы потому, что у русских были тогда свои «окраины» в Рязанской земле, а также Заокская, Северская Украина. Неприемлемо было и известное уже в то время в Польше и на Украине название Малая Россия как нечеткое, обозначающее все юго-западные, ранее древнерусские земли, захваченные панской Польшей и Литвой, а не только Поднепровье.

В истории немало примеров, когда народ ошибочно называли по имени другого народа. Для непосредственно граничащих с левобережным Поднепровьем и наиболее часто сталкивающихся с его населением курян это была территория, где осели запомнившиеся по описанным событиям в Курском княжестве «черкесы». Врезавшееся на долгие годы в память событие и определило, надо полагать, название, тем более что образ жизни, свободолюбивый характер, как и сама колоритная фигура лихого наездника — запорожского казака, сильно напоминали черкесов, несших в XV—XVI вв. сторожевую службу на южных рубежах Русского государства.

⁴⁹ «В закавказском (северокавказском.— В. Г.) крае,— писал по этому поводу И. Попко,— встречаются поселения, которые, будучи расположены между лесами, употребляют на топливо кизяк, а не дрова» (*Попко Ив.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858, с. 53—54).

⁵⁰ См.: *Лавров Л. И.* Указ. раб., с. 64; *Кобычев В. П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973, с. 92—96.

⁵¹ *Цыкыу* — «маленький». См. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 1960, с. 629.

⁵² *Кобычев В. П.* Указ. раб., с. 93.

⁵³ *Гудзенко П. А.* Черкаська область. Київ: 1959, с. 89.

⁵⁴ *Никонов В. А.* Введение в топонимику. М.: Наука, 1965, с. 33.

По этнониму возник и топоним Черкасы — название сначала части, а потом и всей территории Среднего Поднепровья. Обращает на себя внимание, что топоним множественного числа Черкасы (название города) стоит особняком среди аналогичных топонимов единственного числа мужского рода — Переяславль, Канев, Корсунь, Богуславль, Снепород, Чигирин, Триполь, Родень, Воинь, Сокнятин, Кодак и др. Перед нами один из известных случаев совпадения этнонима с топонимом, названием города и всей территории носителей данного этнонима⁵⁵.

Известно, что названия народов, даваемые им другими, часто меняются⁵⁶. По мере изменения политической, социально-экономической и этнической ситуации на юго-западных рубежах Русской державы к XVIII в. «этническое представление» об украинцах изменилось, и термин черкасы исчезает как нечеткий и не принятый украинцами, которые называли себя в XVI—XVII вв. «козаками», «козацким народом»⁵⁷, храня вместе с тем память о своей принадлежности к «Руси», древнерусскому миру. Вместо термина черкасы к XVIII в. за населением Поднепровья утверждается название «запорожцы», «запорожские казаки» (по топониму «Запорожье»), а за населением воссоединившейся с Россией Левобережной Украины — «малороссияне» или «малороссийские казаки» (по официальному названию этой части Украины — «Малороссия») ⁵⁸. В качестве же самоназвания по топониму «Украина», означавшему первоначально юго-восточную окраину этнической территории казаков, все большее распространение приобретал этноним «украинцы».

Н. Карамзин и Н. Маркевич высказали предположение, что полученный украинцами этноним черкасы связан с ассимилированными группами торков и берендеев, упомянутых в Воскресенской летописи будто бы под названием казаков и черкесов. Но тогда этот этноним по отношению к населению Поднепровья должен был бы употребляться на четыре столетия раньше — не в XVI—XVII, а в XI—XIII вв., ибо ассимиляция древнерусским населением отдельных групп торков и берендеев началась, как указывал сам же Карамзин, еще в X в. Соответственно и город Черкасы появился бы в XI—XII вв. Однако известные в настоящее время науке документы того времени не фиксируют его в указанные столетия⁵⁹.

Правда, и в гипотезе о кавказском происхождении названия части украинцев черкасами некоторые моменты остаются неясными. Думается, что дальнейшие целенаправленные поиски историков и этнографов, выявление новых письменных источников, архивных материалов, как и новых этнографических данных, позволят решить еще одну загадку, связанную с этногенезом украинцев, выявлением их историко-культурных связей с северокавказскими народами.

⁵⁵ См.: Никонов В. А. Введение в топонимику, с. 6.

⁵⁶ Чеснов Я. В. Указ. раб. — Сов. этнография, 1973, № 3, с. 145.

⁵⁷ Шевалье П'єр. Історія війни козаків проти Польщі з розвідкою про їхнє походження, країну, звичаї, спосіб правління та релігію... Київ, 1960, т. 46.

⁵⁸ См., например: Летопись Григория Грабянки... року 1710. Издана Временною комиссией для разбора древних актов. Киев, 1854.

⁵⁹ Карты древнерусских городов X—XIII ст. см.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956, с. 296—297; Зайцев А. К. Черниговское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 80-а; Толочко П. П. Киевская земля. — Там же, с. 25.

С. А. Токарев

О КУЛЬТЕ ГОР И ЕГО МЕСТЕ В ИСТОРИИ РЕЛИГИИ

Содержанием религиозных верований обычно считают объект поклонения. Сообразно этому нередко классифицируются и сами религиозные верования: культ неба, культ солнца, культ бога грозы, культ животных (например, культ коня, быка, орла, змеи, жука-скарабея и др.), культ